

Ю. И.
АЙХЕНВАЛЬД

Избранное

Юлий Айхенвальд

Надсон

«Public Domain»

1913

Айхенвальд Ю. И.

Надсон / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1913 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-32376-6

«Он и Мирра Лохвицкая – в стороне, а Надсон двумя сотнями тысяч экземпляров своей книги проник во многие сердца, в самые отдаленные уголки России. На небесах нашей литературы светит много поэтических звезд, и столько лучей красоты идет от Солнца русской словесности; между тем и они, эти подлинные светила, а не только искусственный и сомнительный огонек Игоря Северянина тускнеют для иных перед наследием безвременно умершего Надсона; и – до революции – мало, кажется, было таких девичьих сердец, которые не трепетали бы при звуках: „Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат“ или „Умерла моя муза“...»

ISBN 978-5-457-32376-6

© Айхенвальд Ю. И., 1913

© Public Domain, 1913

Юлий Исаевич Айхенвальд Надсон

Известный поэт Игорь Северянин своеобразно жалуется в одной из своих «поэз»:

Я сам себе боюсь признаться,
Что я живу в такой стране,
Где четверть века центрит Надсон,
А я и Мирра – в стороне...

Он и Мирра Лохвицкая – в стороне, а Надсон двумя сотнями тысяч экземпляров своей книги проник во многие сердца, в самые отдаленные уголки России. На небесах нашей литературы светит много поэтических звезд, и столько лучей красоты идет от Солнца русской словесности; между тем и они, эти подлинные светила, а не только искусственный и сомнительный огонек Игоря Северянина тускнеют для иных перед наследием безвременно умершего Надсона; и – до революции – мало, кажется, было таких девичьих сердец, которые не трепетали бы при звуках: «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат» или «Умерла моя муза». Все победы модернизма, вся утонченность и изысканность современной поэзии не могли стереть это скромное имя в душе у русского читателя. Между тем ни для кого не тайна, что размеры таланта были у юноши-лирика вполне ограничены и даже о самой наличности таланта можно говорить здесь не совсем уверенно. Если исключить несколько грациозных пьес (вроде «Жалко стройных кипарисов; как они позеленели»), несколько поэтических изречений (вроде «муки слова»), несколько стихов, где Надсон выступает пейзажистом, то все остальное эстетическим требованиям совершенно не удовлетворяет, как оно не удовлетворяло и самого автора. Ведь он, в стихотворениях своих всегда искренний и простодушный (этим и привлекательный), не кокетничал, когда писал:

...я знаю, я глубоко знаю,
Что бессилен стих мой, бледный и больной,
От его бессилья часто я страдаю,
Часто тайно плачу в тишине ночной.

Ведь он действительно считал, что его песни не песни, а только «намеки», и, вслушиваясь в собственные стихи, произносил им этот роковой приговор: «лишь бы хоть как-нибудь было излито, чем многозвучное сердце полно». «Лишь бы хоть как-нибудь» – эта ужасающая проза могла бы служить эпиграфом ко всей поэзии или, вернее сказать, ко всей прозе Надсона. И еще очень виноват он перед идеалом – тем, что опошил понятие и слово идеал, нередко сопровождаемое у него рифмой Ваал...

Очевидно, посмертная судьба Надсона, его долгий поэтический век объясняется не интересами художества, а какою-то иной причиной. Ясно, что его стихи, написанные «как-нибудь», оскорбление Аполлона, представляют собою не эстетический, а человеческий документ – отражение светлой души. И потому, как раз в ту пору, когда души людей вообще светлы, когда на прозрачных помыслах не успевают еще осесть копоть и пыль житейской низменности, – тогда, при условии низкого уровня эстетической культуры, при условии пониженной требовательности к искусству, тогда Надсон вызывает к себе почти неодолимое родственное тяготение. С молодыми он говорит на одном языке – языке очень элементарном и полном общих мест, общих слов. Он близок и понятен, как никто; самая упрощенность его мысли является здесь лишней притягательной силой. Славу Надсона создала наивность –

его собственная и чужая. И в моральном отношении вовсе уже не так хорошо, если никогда не платишь ему никакой дани, если никогда не задевал он в тебе какой-то симпатической струны. И даже те, кто ушел далеко вперед от него, за пределы его двадцатичетырехлетней жизни, и в большую сложность и тонкость внутреннего мира, и в большую близость к подлинной поэзии, – даже они от имени «Надсон» испытывают особое настроение: пробуждается у них воспоминание далекой юности с ее идеализмом (который не испытывал смущения от частого надсоновского «идеала»), юности пусть наивной, зато искренней; и прощаешь себе увлечение Надсоном, и жалеешь, что прошло, исчезло, испарилось то, чем оно было психологически обусловлено, и с грустью и легкой насмешкой оглядываешься на тот свой физический и внутренний возраст, когда был тебе духовным ровесником и родственником Надсон. Без него была бы неполна биография русского интеллигента. Молодую русскую душу он рассказал. И если форма этого рассказа, бледная и прозаическая, но согретая теплом задушевности, так беспомощна, то содержание его правдиво, соответствует именно русской правде. Если бы стихи Надсона были в большей степени проникнуты магией поэтичности и образности, если бы они были аристократичнее и осуществлены в духе настоящей красоты, они много потеряли бы в своей интимной общедоступности. Иной словесной оболочки, нежели та, в которую оделась психология Надсона и его ровни, кажется, нельзя было при придумать. Получилась своеобразная симметрия, вполне выдержанный стиль, безусловное единство...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.